
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34

*Е.Н. Кузнецова**

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЕСТЬЯН И ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА

Статья посвящена правовому статусу крестьян до и после отмены крепостного права. Анализируется законодательство, имеющее отношение к процессу закрепощения. Определяется понятие крепостного права. Аргументируется мнение, что законодательство о правосубъектности крепостных было противоречивым. Признавая за ними ряд прав, закон рассматривал их в то же время в качестве объекта имущественных прав. Характеризуются права и обязанности помещиков по отношению к крепостным крестьянам по Своду законов Российской империи. Анализируются личные, имущественные и процессуальные права, право на самоуправление, обязанности крестьян по Положениям 19 февраля 1861 года. Сравнивается правовой статус временнообязанных крестьян и крестьян-собственников.

Ключевые слова: сословный строй, крепостное право, правовой статус крепостных крестьян, отмена крепостного права, временнообязанные крестьяне и крестьяне-собственники, личные, имущественные, процессуальные права крестьян, обязанности крестьян, крестьянское самоуправление.

Крестьянская реформа 1861 года – первая из великих реформ Александра II, нанесших весьма ощутимый удар сословному строю. До ликвидации последнего было еще достаточно далеко, но реформы царя, именуемого освободителем, привели к существенному сближению правового статуса представителей различных социальных групп. Об этом говорят, прежде всего, изменения в правовом статусе крестьян. Оценивая эти изменения, стоит посмотреть на статус последних до отмены крепостного права, тем более что он «нуждается в серьезном уточнении» [1, с. 203].

Сословность русского общества, истоки которой принято искать в Древней Руси, предопределяла объем прав разных социальных групп, который не оставался неиз-

* © Кузнецова Е.Н., 2015

Кузнецова Елена Николаевна (Kuznetsova_e_n@bk.ru), кафедра теории и истории государства и права; международного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

менным. В отечественной литературе утвердилась концепция формирования сословий в XVIII веке. Американский исследователь Грегори Л. Фриз обращает внимание на то, что данная концепция была предложена еще представителями дореволюционной «государственной школы». Эта концепция сказалась на советской историографии, ее схеме, согласно которой XVIII столетие являлось не просто очередной вехой в истории сословий, но было «кульминацией» развития сословной системы в России [2, с. 122–124].

Из четырех сложившихся к XVIII веку обособленных сословий — дворян, горожан, духовенства и крестьян, каждое из которых наделялось определенными правами и исполняло определенные обязанности, — самым широким кругом прав, как известно, пользовались дворяне. Больше других были ограничены в правах крестьяне [1, с. 203, 205]. При этом правоспособность крепостных крестьян была ограничена столь существенно, что жившие за счет труда последних часто именовали их рабами [1, с. 208].

Ограничение правоспособности крестьян стало результатом длительного процесса закрепощения. В данной статье речь будет идти о частновладельческих крестьянах, в число которых И.А. Исаев включает и дворцовых крестьян [3, с. 227]. Правда, историк права в то же время противопоставляет владельцев крестьян дворцовым [3, с. 115] Г.И. Вернадский рассматривает дворцовых крестьян наряду с государственными, полагая, что их фактическое положение мало чем различалось [4, с. 95].

Понятие «крепостное право» обычно рассматривается в связи с помещичьими крестьянами. Но есть и другой подход. «Крепостное право, — полагает А.Г. Маньков, — включало две формы прикрепления непосредственного производителя: прикрепление к земле — феодальному владению или наделу на черносошных землях — и прикрепление к личности феодала. На протяжении XVII–XIX вв. соотношение этих форм прикрепления менялось. На первой стадии (включая XVII в.) преобладала первая, на поздней стадии — вторая» [5, с. 79].

Прикрепление крестьян к земле традиционно связывают с широким распространением поместной системы. Оно требовалось, «чтобы сделать возможной государственную службу» землевладельцев [4, с. 96]. Дореволюционные исследователи делали в связи с этим вывод о государственном характере крепостного права вплоть до Манифеста о вольностях дворянства 1762 года [6, с. 205].

«С передачей права феодальной собственности на поместья и вотчины, — отмечает А.Г. Маньков, — передавались и определенные права на крестьянское население, прикрепленное к земле» [5, с. 81]. Поэтому «крестьянин выступает в законодательстве как органическая принадлежность поместья и вотчины независимо от личности владельца. Владелец имел определенные права распоряжения крестьянами лишь тогда и в той мере, когда и в какой мере он был владельцем поместья или вотчины» [5, с. 79].

Отношения между владельцами земли и теми, кто на ней работал, достаточно долго носили договорный характер. «Даже в начале XVII в. крестьяне все еще заключали ряды с землевладельцами и, следовательно, обладали свободой перехода и отхода, оформленных в законном порядке (в срок и с уплатой пожилого)», — констатирует И.А. Исаев [3, с. 115]. Однако в том же XVII веке условия заключаемых между крестьянами и помещиками договоров ужесточаются настолько, что крестьяне попадают в личную зависимость от своих «работодателей» и кредиторов, в силу чего последние становятся господами, «душевателями». Такие договоры стали носить характер *крепостных крестьянских записей*, по которым должник обязывался «за государем... жить во крестьянстве вечно и никуда не сбежать» [7, с. 345].

Юридической гарантией «крепости» крестьянина месту работы и «душевателю» было постепенное увеличение срока сыска беглых крестьян, а затем и полная отмена их в Соборном уложении 1649 года. В связи с этим уложение рассматривается как

поставившее «последнюю точку» в закреплении крестьян [8, с. 47; 9, с. 326; 3, с. 120]. Приведенная оценка Соборного уложения подразумевает прежде всего ту сторону крепостного права, которая касается прикрепления крестьян к земле. Но содержание Соборного уложения дает основание рассматривать его и как правовой акт, обозначивший в значительной степени личную зависимость крестьян от владельцев земли.

В Соборном уложении видна тенденция превращения крестьян в имущество, живой товар (свидетельство тому, в частности, ст. 7, 19, 34 главы XI) [9, с. 152, 154, 157]. «Уложение косвенно упоминает о совершающейся продаже крестьян», — отмечает В.И. Сергеевич [10, с. 221]. О.И. Чистяков выражается более определенно, утверждая, что в главе XI «фиксируется возможность продажи крестьян, хотя и в несколько прикрытой форме». По его мнению, уже название XI главы: «Суд о крестьянах» — говорит о ее основной идее: не регламентировать правовой статус крестьян, а решать проблемы, связанные со спорами феодалов по поводу крестьян. Отсюда вывод, что крестьяне в Уложении выступают «преимущественно не как субъект, а как объект права» [9, с. 326]. Но при любом подходе Соборное уложение оправдывает его традиционную характеристику как памятника крепостничества (хотя имеет отношение к истории различных отраслей права и даже дает повод говорить о становлении таковых). Такую характеристику дали Уложению уже дореволюционные исследователи. Оно, по мнению В.И. Сергеевича, «содержит в себе все необходимые элементы, из которых должно было развиться самое строгое крепостное право» [10, с. 223].

Соборное уложение обязало помещиков «имать» (то есть платить) за крестьян «государевы всякие поборы» (глава XI, ст. 6, 21); выполнять полицейские функции; судить крестьян — за исключением дел определенных категорий (глава XIII, ст. 7) [9, с. 152, 155, 159]. При этом в пределах вотчин и поместий «юрисдикция феодалов фактически не регламентировалась законодательством» [5, с. 91].

Обязанность поддерживать должный порядок на крестьянских землях вытекала из традиции считать «хозяев» крестьян государственными «агентами» по отношению к ним [8, с. 47]. Законодательство, следовательно, рассматривало вотчинников и помещиков как представителей государственной власти на местах, прежде всего в пределах своих владений, наделяя их не только определенными правами, но и обязанностями [5, с. 90–91].

Вместе с тем Уложение охраняло личность крестьянина, его жизнь и честь. Посягательства на них были уголовно наказуемы (см., например, главу X «О суде»). «Будучи как субъект права наделен определенными правами владения своим участком и хозяйством, крестьянин в случае оскорбления его имел право на получение штрафа», — пишут С.И. Штамм и Н.Н. Ефремова [11, с. 71]. Так же рассуждает А.Г. Маньков [5, с. 91]. Уложение запрещало противоправные действия в отношении крестьян постольку, поскольку запрещало их в отношении всего населения, так как охраняло любую личность — правда, с учетом сословного статуса [8, с. 48]. О том, что в XVII веке жизнь и имущество крестьянина «ограждались законом от крайнего проявления своеволия феодалов», говорят и нормативно-правовые акты, принятые после Соборного уложения [5, с. 91].

В течение XVIII в. складывается другое представление о состоянии крепостных. Последние начинают считаться собственностью их владельцев, в силу чего становятся специфическим объектом имущественных отношений [1, с. 263]. Закона, который бы прямо относил крепостных к какому-либо определенному виду имущества, не было [1, с. 261–262]. Но крепостники широко использовали обозначенную в Соборном уложении возможность передачи крестьян без земли. Не случайно И.А. Исаев полагает, что правом продавать крестьян без земли, менять на имущество, дарить,

закладывать, завещать, расплачиваться ими за долги помещики стали пользоваться с конца XVII века [3, с. 228].

При Петре I взгляд на крестьянина как на вещь, которой можно было распоряжаться по своему усмотрению, был уже нормой, чему способствовало введение подушной подати, в равной степени касавшейся и крепостных крестьян, и холопов. Поскольку ответственность за поступление в казну податей несли землевладельцы, последние получили равную власть и над крестьянами, и над холопами. В результате закон о подушной подати «юридически окончательно нивелировал различие между крестьянами и холопами» [7, с. 396]. В.Н. Латкин в связи с этим сделал вывод о полном смешении понятий, «благодаря которому были возможны такие несообразности с точки зрения права, как, например, продажа человека, считавшегося лицом, а не вещью, обладавшего известными правами и несшего известные обязанности в качестве члена определенного сословия» [6, с. 208].

«Нельзя сказать, — пишет Т.Е. Новицкая, — что такие действия приводили российских самодержцев в восторг, однако запретить подобные вещи они были не в состоянии» [1, с. 261]. Это подтверждает содержание Именного указа Петра I 15 апреля 1721 года «О непродаже крепостных людей поодиночке и неразлучении семейств». В нем Петр I с возмущением комментирует обычай продавать крестьян и дворовых людей «как скотов», разлучая при этом родителей и детей, «от чего немалой вопль бывает». Указ противоречив. Повеление пресечь такую продажу соседствует с оговоркой: если такую продажу пресечь невозможно, то продавать «целыми фамилиями или семьями, а не порознь» [12].

Историк Н. Павленко, отмечает В.А. Рогов, считает направленным на защиту крестьянских интересов в правление Петра I только этот указ [8, с. 62]. Но И.А. Исаев приводит и другой пример такого рода — Именной, данный Синоду, указ 5 января 1724 года, запрещающий принуждать к вступлению в брак «под опасением тяжкого штрафования» [13], подчеркивая, правда, что он фактически не применялся [3, с. 228].

Попытки ограничить (или, по крайней мере, поставить в определенные правовые рамки) продажу крестьян предпринимались и при преемниках Петра I. Усматривая такую тенденцию в законодательстве конца XVIII — первой половины XIX века, К.А. Софроненко ссылается, в частности, на Именной указ 16 февраля 1797 года, запретивший продавать с молотка крестьян и дворовых людей без земли [14]; Именной, объявленный сенату министром юстиции, указ 14 июля 1808 года, запретивший продавать крестьян на ярмарках и торгах без земли, разлучая при этом семьи. Данный указ, который предписывал, чтобы «люди без земли лично и поименно на ярмарках и торгах отныне впредь не были привозимы и продаваемы», в значительной мере повторял Указ 1797 года [15; 16, с. 14–15].

Обозначившаяся тенденция превращения крепостных в бесправных противоречила не только их интересам, но также интересам помещиков. Более того, в случае полного лишения крепостных крестьян правоспособности прежде всего пострадали бы имущественные интересы самих «душевноладельцев» [1, с. 209]. Отсюда заинтересованность помещиков в расширении правоспособности крепостных, что оборачивалось противоречивостью законодательства. «Крепостные крестьяне, — констатирует Т.Е. Новицкая, — в одних имущественных правоотношениях выступали как субъекты, а в других — являлись объектом имущественных прав» [1, с. 210]. На противоречивость законодательства о крепостных обращает внимание и В.А. Рогов: «Закон, конечно, признавал за частновладельческими крестьянами ряд прав, но постепенно законодатель сам запутался в вопросе о том, являются ли частновладельческие крестьяне собственниками или собственностью помещиков» [8, с. 74]. И.А. Исаев, анализируя касавшееся крепостных законодательство XVIII века, приходит к выводу, что они

«были фактически лишены каких-либо имущественных прав» [3, с. 353]. Вместе с тем он выделяет, что «их имущественные права были ограничены необходимостью получать разрешение помещика (в области распоряжения и наследования движимого имущества)» [3, с. 354]. Безусловно, определяя объем правоспособности крепостных, законодатель шел навстречу прежде всего не им, а своей социальной опоре — помещикам.

Параллельно с процессом превращения крепостных крестьян в объект имущественных отношений шел процесс лишения их различных прав. Именным указом 25 октября 1730 года им запретили приобретать недвижимость. Имеющуюся у крестьян недвижимость предписывалось в течение полугода распродать [17]. 23 июня 1731 года последовал запрет работать по подряду. «Крестьян ни в откупы и ни в подряды не допускать, кроме найму подвод и судов и каких-либо работ» — говорилось в Регламенте Камер-Коллегии [18]. Именным указом 12 марта 1734 года крестьянам запретили открывать фабрики [19]; Сенатским указом 21 июля 1758 года — торговать иностранными товарами [20]; Сенатским указом 14 февраля 1761 года — давать векселя и принимать на себя обязательства без разрешения помещиков [21]; Сенатским указом 31 января 1762 года — записываться без разрешения помещиков в гильдии [22]. Сенатский указ 19 января 1769 года подчеркивал, что земли, на которых жили владельческие крестьяне, принадлежали не им, а их владельцам. Указ разъяснял: «все владельческие земли... принадлежат собственно владельцам, а не поселенным на них крестьянам» [23].

Названные правовые акты подтверждают, что статус частновладельческих крепостных приобретал черты статуса холопов. По мнению О.И. Чистякова, это произошло ранее, уже на основании Соборного уложения 1649 года, которое, закрепостив крестьян, поставило их «в бесправное положение» [9, с. 326].

С середины XVIII века крепостное право становится весьма существенной привилегией дворянства. «Эта последняя, — подчеркивал В.Н. Латкин, — развилась более фактически, чем юридически, так как закон не предупреждал того, что само собой сложилось в жизни» [6, с. 205].

Кроме того, на протяжении XVIII в. имели место масштабные раздачи государственных и дворцовых земель с крестьянскими дворами помещикам, особенно придворным и фаворитам. По данным Н.В. Латкина, в царствование Екатерины II и Павла I в форме пожалований частным лицам был роздан и тем самым обращен в крепостное состояние 1 миллион 200 тысяч крестьянских душ [6, с. 209]. При этом частновладельческие крестьяне, наиболее ущемленные в правовом отношении по сравнению с крестьянами других категорий, составляли в начале XVIII века 70 % крестьянского населения, а в конце — 55 % (уменьшение их удельного веса объясняется увеличением числа государственных крестьян за счет присоединения огромных новых территорий) [24, с. 81–82].

Именно в XVIII веке крепостное право достигло своего апогея. Л.И. Дембо уточняет: пик крепостничества приходится на правление Екатерины II [25, с. 201]. Данный подход соответствует трактовке просвещенного абсолютизма, когда последний рассматривается как изменения в методах осуществления власти, цель которых сохранить в целом существующую государственную и правовую систему, лишь отчасти приспособивая к новым социальным отношениям.

«Права помещика над крепостными, — пишет А.И. Исаев, — расширились в XVIII в. как по линии усиления власти помещика над крестьянами, так и по линии все большей хозяйственной эксплуатации труда крепостных» [3, с. 351].

Тенденция превращения крестьян в объект имущественных прав порождает вопрос, каким именно был этот объект. В связи с этим Г.В. Вернадский пишет о двой-

ственности понятия крепостного права, отраженной в Своде законов Российской империи [4, с. 97]. В X томе Свода (издания 1857 года) крепостные крестьяне не указаны прямо ни среди видов недвижимого, ни среди видов движимого имущества (ч. I, ст. 384 и 401) [26]. В ст. 385 говорится о «землях суть населенных или ненаселенных», что дает повод считать крестьян имеющими отношение к недвижимому имуществу. Но в ст. 386 среди «принадлежностей населенных земель» крестьяне не названы, названы лишь крестьянские дома, дворы. Не упоминаются крестьяне и в ст. 416, где говорится об объектах права собственности. Упоминание о них есть лишь в ст. 404: «К движимым имуществам причисляются и права на крепостных людей без земли». Данная статья, которая, как отмечает Г.В. Вернадский, противоречила статье 385, может рассматриваться в качестве правовой основы продажи людей без земли (за исключением разлучения членов семьи). Констатируя значительную неясность в формулировке самого понятия крепостного права, исследователь предполагает ее намеренной [4, с. 97].

Полицейские и судебные права помещиков в отношении крепостных крестьян, зафиксированные в Соборном уложении 1649 года, сохранялись вплоть до отмены крепостного права. При этом власть помещиков над крестьянами – административная и судебная – имела тенденцию к усилению. Так, Сенатский указ 2 мая 1758 года «О надзоре помещиками за поведением своих людей» предоставил помещикам право подвергать крестьян телесным наказаниям [27]. В Сенатском указе 13 декабря 1760 года говорилось о праве помещиков посылать неугодных крестьян на поселение в Сибирь без возврата, навечно. Помещикам в этом случае полагались рекрутские квитанции – сосланных засчитывали за рекрутов, сланных в армию, за что помещики получали и денежную компенсацию [28]. 17 января 1765 года сенатским указом по высочайше утвержденному докладу помещикам предоставили право ссылать крестьян на каторгу на любой срок – правда, с правом возврата [29].

В 1811 году ссылку крепостных в Сибирь отменили. В Именном указе 5 июля 1811 года говорилось, что «крестьянин, учинивший преступление... ссылается в Сибирь не по просьбе или желанию помещика, но по закону и приговору Суда»; «в решении дел над преступниками действует закон»; «закон осуждает крестьянина к ссылке в Сибирь против воли помещика, равно как не внемлет его желанию при освобождении от оной» [30].

В 1824 году ссылку крестьян в Сибирь ввели вновь. В Сенатском указе 29 февраля 1824 года предписывалось, чтобы приговоренных помещиками «крепостных людей к отсылке в Сибирь на поселение принимали без всякого о летах их ограничения» [31]. Эту меру наказания К.А. Софроненко связывает со стремлением помещиков сохранить за собой всю землю, поскольку многие из них осознавали неизбежность отмены крепостного права [16, с. 12–13].

Крепостных мужчин помещики могли отдавать в рекруты – правда, отслужив на военном поприще 25 лет, они становились свободными. Так, в § 323 Устава рекрутского 1831 года говорилось, что «помещик может отдавать крепостных своих людей в зачет будущих наборов по непосредственному его усмотрению» [32].

Право помещиков наказывать крепостных, – отмечал еще Н.В. Латкин, – впервые было урегулировано в Своде законов (хотя сознание необходимости такого регулирования существовало уже в XVIII веке) [6, с. 225–226]. До него такие наказания, по выражению историка права, «развивались фактически» и были «крайне разнообразны»; «всякого рода истязания допускались со стороны помещиков и, кроме смертной казни, не было вида наказаний, который бы не применялся ими на практике». Отсутствие законодательного урегулирования права наказывать крепостных ставило суды «в крайне затруднительное положение в тех случаях, когда до них доходили выдающиеся по своей жестокости факты» [6, с. 224–225].

В Своде законов издания 1832 года говорилось только о домашних средствах исправления и наказания. Помещик «для удержания крепостных людей в повиновении и добром порядке» имел право «употреблять домашние средства исправления и наказания – по его усмотрению, но без увечья и тем менее еще с опасностью их жизни» [16, с. 12].

Статья 971 IX тома Свода законов издания 1857 года по-прежнему предоставляла помещикам «право суда и расправы в маловажных тяжбах и проступках крестьян» [33]. Согласно ст. 1052 IX тома Свода законов, помещики, карая за проступки, мелкие и более крупные преступления, могли прибегать к телесным наказаниям (розгами до сорока или палками до пятнадцати ударов) или же аресту на время от одного до семи дней, а в случаях «особенной важности» и до двух месяцев «с тем, чтобы виновный был содержим в сельской тюрьме, сообразно с правилами, вообще для тюремного заключения постановленными». Предоставление помещикам права устраивать в имениях сельские тюрьмы было логическим продолжением их права карать крестьян [16, с. 12–13].

За преступления и проступки «еще более важные», а также тогда, когда меры «домашнего исправления» оказывались безуспешными, помещик мог отсылать крепостных в смирительные и рабочие дома на время от двух недель до трех месяцев или же в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного до шести месяцев.

Получив законную возможность выбирать из целого ряда наказаний, помещики ею не ограничивались. Но бороться с помещичьим произволом было практически невозможно. Со времени Соборного уложения крестьяне не могли жаловаться на помещиков (ст. 13 главы II Соборного уложения). Сенатский указ 22 августа 1767 года добавил запрет жаловаться монарху непосредственно. За первую попытку подать челобитную монарху – «первое дерзновение» – полагалась месячная каторга, за вторую – годовая плюс публичное наказание плетьюми, за третью – навечная ссылка в Сибирь плюс публичное наказание плетьюми [34].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года смягчило наказание за подачу жалобы на помещика. Статья 1909 предписывала: «Крепостные люди за подачу на помещиков своих воспрещенной законом жалобы подвергаются наказанию розгами до пятидесяти ударов» [35]. В Свод законов запрет жаловаться на помещиков вошел в следующем виде: «Ежели крепостной человек, отложась от должного помещику своему послушания, подаст на него недозволенную жалобу, и в особенности, если отважится подать таковую непосредственно Императорскому Величеству: то челобитчик и сочинитель жалобы подвергаются наказанию, первый по статье 1985, а второй по статье 1205 Уложения о наказаниях» (т. IX, ст. 1033).

Наблюдая и предвидя крайне нежелательную реакцию крепостных на условия их жизни, власти включили в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и норму, согласно которой «всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих» являлось «восстанием против властей, правительством установленных». Поэтому данную норму поместили в раздел 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления» (ст. 288).

Но законодательные меры в отношении жестоких помещиков все же принимались. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержалась и норма об ответственности помещиков за причинение смерти крепостному крестьянину вследствие побоев или иных насильственных действий (без умысла на убийство). Виновный в этом подлежал заключению в смирительном доме на срок от одного года до трех лет с потерей некоторых особенных прав и преимуществ или к заключению в тюрьме на срок от шести месяцев до одного года плюс церковное покаяние (раздел X, ст. 1935). В этой же статье шла речь об опеке в отношении злоупотребляющих

властью помещиков (в которую они отдавались вместе со всеми их населенными имениями).

Опеку в отношении помещиков «в случае нетерпимой в управлении их жестокости» предусматривали также ст. 1109 и 1010 IX тома Свода законов. К.А. Софроненко комментирует это так: «Царское законодательство не предусматривало для дворян-палачей даже за такие тяжкие преступления ни смертной казни, ни вечной каторги, ни каторги на определенный срок. Наоборот, опекой оно стремилось выгородить помещика от заслуженного наказания» [16, с. 14].

Констатация произвола и жестокости в отношении крепостных — общее место литературы о крепостном праве. Не обошли эту тему и авторы «Российского законодательства X—XX веков». «В смысле расправ и наказаний крестьян, — говорится в этом издании, — произвол помещиков не знал границ. Архивы тогдашних правительственных учреждений полны жалобами крестьян на дикий произвол помещиков» [36, с. 81—82]. Но вот что пишет американский историк Ричард Пайпс, труды которого, посвященные русской истории, хорошо известны в России. «Особенно важно избавиться от заблуждений, — полагает он, — связанных с так называемой жестокостью помещиков по отношению к крепостным» [37, с. 200]. Обосновывая свое мнение, исследователь ссылается на цифры. «Там, где имеются кое-какие статистические данные, они свидетельствуют об умеренности в применении дисциплинарных мер», — утверждает историк. Например, между 1822 и 1833 гг. помещики сослали в Сибирь 1283 крестьянина — в среднем 107 человек в год на 20 с лишним миллионов крестьян [37, с. 201].

Р. Пайпс считает, что «наиболее неприятным проявлением помещичьей власти для крестьянина было вмешательство хозяина в его семейную жизнь и его привычный труд» [37, с. 201]. С тем, что право помещиков вмешиваться в семейную жизнь крестьян было особенно ненавистным для последних, согласен и В.А. Федоров [36, с. 80]. Р. Пайпс объясняет такое вмешательство хозяйственной заинтересованностью помещика, поскольку «крепостничество было хозяйственным институтом». Основная же причина крестьянского недовольства, по его мнению, была связана с землей. «Русский крестьянин забрал себе в голову, что хоть сам он принадлежит помещику, вся земля — крестьянская. На самом деле и то и другое было неверно». Убеждение, что вся земля — крестьянская, усилилось после освобождения дворян от обязательной государственной службы Манифестом 1762 года. Констатируя, что «крестьяне каким-то инстинктом чуяли связь между обязательной дворянской службой и своим собственным крепостным состоянием», Р. Пайпс идет в «фарватере» В.Н. Латкина [37, с. 202]. «С изданием манифеста о вольностях, — писал еще в начале прошлого века этот историк права, — можно было ожидать как его логическое следствие освобождение крестьян из-под крепостной зависимости, так как теперь утратился всякий смысл существования крепостного права» [6, с. 205].

Можно по-разному относиться к взглядам на крепостное право в России американского историка. Но трудно не согласиться с тем, что владение другим человеком неизбежно разрушает общество, в котором это имеет место [37, с. 203].

Помещичий произвол имел место в условиях отсутствия системы законов, определяющих отношения между помещиками и крепостными. Законодательство о крепостном праве, отмечал Н.В. Латкин, носило «фрагментарный и казуистический характер не только в XVIII, но и в XIX ст.» [6, с. 206]. Пробелами в законодательстве о крестьянах объясняет произвол «душевладельцев» и наш современник И.А. Исаев [3, с. 352]. Они «приводили к быстрому усилению крепостного гнета, к выработке у помещика взгляда на крестьянина как на свою полную собственность». «Заполнение этих юридических пробелов, — пишет он, — было одной из важнейших задач и Уложенной комиссии и правотворческой практики второй половины XVIII в.» [3, с. 352].

При изучении причин помещичьего произвола возникает также вопрос: в какой степени он связан с традицией игнорирования закона в дореволюционной России? Об этой традиции говорит правовое поведение и подвластных, и властвующих. Так, в уже упоминавшемся Соборном уложении власть отказалась от ею же провозглашенного в ст. 97 Судебника 1550 года принципа, согласно которому закон не имеет обратной силы [38, с. 119-120]. По Соборному уложению беглые крестьяне подлежали возврату независимо от того, сколько времени они находились в бегах (ст. 1, 2 главы XI «Суд о крестьянах»). Следовательно, положению об отмене урочных лет придавалась обратная сила.

В условиях кризиса крепостной системы принимается ряд нормативно-правовых актов, которые можно характеризовать как юридическую подготовку отмены крепостного права. Так, Именной, данный Сенату, указ 20 февраля 1803 года, известный как Указ о свободных хлебопашцах, предоставил помещикам право освобождать крестьян с землей за выкуп [40].

Помещичьим крестьянам предоставили ряд имущественных прав. 28 декабря 1818 года был принят Именной, данный Сенату, указ, который распространил «право учреждать фабрики и заводы» на всех крестьян, включая помещичьих. Для реализации этого права требовалось дозволение Министерства внутренних дел и согласие помещиков [41]. Однако разрешение помещичьим крестьянам приобретать недвижимость на свое имя последовало лишь через 30 лет. Именной, данный Сенату, указ 3 марта 1848 года (распубликованный 9 марта) предписывал делать это «не иначе, как с согласия своих помещиков, надлежащим образом удостоверенного» [42]. Правда, 24 декабря 1858 года это право было у них отнято Именным, объявленным Сенату министром внутренних дел, указом [43].

В 1812 году крепостным разрешили торговать и без записи в гильдию. О таком праве говорилось в Именном, данном Сенату, указе 29 декабря 1812 года [44]. Помещичьим крестьянам разрешили «входить в подряды и поставки». Такое разрешение содержало, в частности, Высочайше утвержденное мнение Государственного совета 6 апреля 1842 года «О допущении помещичьих крестьян к подрядам без залогов за одним ручательством владельцев», опубликованное 11 июня [45].

О движении навстречу крестьянским интересам говорят и другие нормативно-правовые акты первой половины XIX века. Именной указ, данный Сенату 2 мая 1833 года, запретил «отдельно от семейств, как с землею, так и без земли, продажу крепостных людей вообще и уступку их по дарственным записям» (повторив, по сути, Указ 15 апреля 1721 года) [46]. 2 января 1841 года Высочайше утвержденное мнение Государственного совета лишило безземельных помещиков права покупать и продавать крестьян без земли [47]. Запрет покупать и продавать крестьян без земли был подтвержден Сенатским указом 26 января 1843 года «О уничтожении неправильно совершенных купчих крепостей на людей, проданных таким лицам, которые не владеют населенными имениями» [48]. Но эти указы, кодифицированные в Своде законов, были «бумажным правом» [16, с. 14–15].

Свод законов Российской империи «вобрал» в себя всю предыдущую историю отечественного законодательства. Это касалось и законов о крепостных. Поэтому о крепостном праве накануне отмены можно судить, анализируя содержание его томов.

Реальный состав понятия «крепостное право» по Своду законов «определялся правами и обязанностями владельцев по отношению к своим крепостным» [4, с. 97]. Такой ход рассуждений не исключает прав и обязанностей крепостных. Другое дело, что правовой статус крепостных характеризовался, в отличие от правового статуса крепостников, преимущественно обязанностями.

Прав, которые принадлежали «душеладельцам» в отношении крепостных, было немало. В определении юридического положения крепостных решающую роль игра-

ли они [6, с. 212]. Помещики, во-первых, имели право распоряжения крепостными. Они могли продавать, дарить, закладывать крепостных с землей и без земли (правда, при этом существовал запрет разлучать семьи – том IX, ст. 1081, том X, часть I, ст. 1397).

Во-вторых, у помещиков было право на труд крепостных. В ст. 1045 тома IX говорилось, что «владелец может налагать на крепостных своих людей всякие работы, взимать с них оброк и требовать исправления личных повинностей, с тем только, чтобы они не претерпевали через сие разорения и чтоб положенное законом число дней оставляемо было на исправление собственных их работ». При этом с апреля 1797 года работа на помещика была ограничена тремя днями в неделю и не могла иметь места по праздникам (ст. 1046).

В-третьих, помещики пользовались правом управления и суда – исключение составляли преступления, наказания за которые были связаны с лишением прав (ст. 1050, 1052 тома IX Свода законов). Помещик делал это либо лично, либо через доверенных лиц (приказчиков) и при помощи мирских сходок крестьян или их выборных.

Кроме этих прав, которые Г.В. Вернадский считает «наиболее существенными», у «душевноладельцев» были и другие: право решать брачную судьбу крепостных, не спрашивая на то их согласия; право перевода крестьян в дворовые и наоборот; право переселения своих крестьян из одного имения в другое; право собственности на имущество крепостных [4, с. 97–98; 6, с. 212–227].

Что же касается обязанностей «душевноладельцев», то их было немного, в сущности, они сводились к двум. Во-первых, это была обязанность кормить и содержать крестьян в голодное время и тогда, когда они становились нетрудоспособными (т. IX, ст. 1102, 1103, 1104). Во-вторых, обязанность не мучить и не разорять своих крестьян. Надзор за этим был возложен на генерал-губернаторов и на предводителей дворянства губерний и уездов (ст. 166, 1109 тома IX).

В число немногочисленных крестьянских прав входило право искать и отвечать в суде, предусмотренное еще Соборным уложением 1649 года (ст. 38 главы XVIII, ст. 159 главы X). На практике, – отмечал В.Н. Латкин, – оно постоянно нарушалось помещиками [6, с. 230]. В Своде законов указывалось: «за крепостных людей во всех гражданских делах право искать и отвечать предоставляется самим помещикам (а); но с дозволения сих последних крепостные люди могут быть на суде и сами за себя (б)» (том IX, ст. 1119).

Юридической основой отмены крепостного права стали правовые акты 19 февраля 1861 года: Манифест об отмене крепостного права, Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, местные положения и другие (всего 18 актов) [36, с. 32; 49].

В Манифесте власть в своеобразной форме признала свою вину за отношение к крепостным крестьянам. «Государственное законодательство, – сказано в Манифесте, – деятельно благоустроив высшие и средние сословия, определяя их обязанности, права и преимущества, не достигло равномерной деятельности в отношении к людям крепостным». Признается в этом правовом акте и то, что пробельность законодательства предопределила зависимость положения крестьян от воли помещиков: «Права помещиков были достаточно обширны и не определены с точностию законом, место которого заступали предание, обычай и добрая воля помещика». Более того, в Манифесте констатируется имевший место в отношении крестьян произвол [36, с. 27].

В статье 1 Общего положения сообщалось то, чего так долго ждали не только крепостные: «Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда». Статья 2 это конкретизировала: «крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, предоставляются

права, состояния свободных сельских обывателей, как личные, так и по имуществу» [36, с. 37]. При этом Манифест провозглашал, что «полные права свободных сельских обывателей» «крепостные люди получают в свое время» [36, с. 28]. Следовательно, полное освобождение крестьяне получали не сразу, не с момента обнародования Манифеста и Положений 19 февраля 1861 года. В Манифесте говорилось, что перемены требуют времени «примерно не менее двух лет», в течение которых «существующий... в имениях порядок должен быть сохранен» [36, с. 29]. До установления нового порядка крестьяне были обязаны помещикам повинностями в виде барщины и оброка (пункт 6), а помещики сохраняли право «суда и расправы» в отношении крестьян (пункт 7). Черты внеэкономического принуждения, следовательно, продолжали сохраняться и после объявления «воли» [36, с. 32].

Воля, которую получили крестьяне, была не такой, какую они хотели. Но все же это была воля, свобода. Правосубъектность крестьян была существенно расширена, из «почти рабов» они становились людьми [36, с. 16]. Расширение крестьянской правосубъектности выражалось в предоставлении им целого ряда прав и в возложении на них ряда обязанностей.

В Общем положении права, которыми наделялись крестьяне, делились на личные и по состоянию, имущественные и связанные с крестьянским самоуправлением. Последние дают основание авторам «Российского законодательства X–XX веков» констатировать и «некоторые политические права» [36, с. 16]. Однако, имея в виду специфику крестьянского самоуправления, положение с правами и свободами до начала XX века, а также современную классификацию прав и свобод, с таким подходом согласиться трудно.

В Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, речь идет прежде всего о личных правах крестьян. Перечень последних говорит о том, что в их число включили права, которые с точки зрения современной классификации прав и свобод (в зависимости от того, какой сферы общественных отношений они касаются) входят в число не только личных (гражданских), но и других – социально-экономических, социально-культурных.

Согласно ст. 21 Общего Положения, на бывших крепостных распространялись «общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных». Теперь «для вступления крестьян в брак и распоряжения в их семейственных делах» дозволения помещиков не требовалось, что устраняло связанные с таким дозволением причины личных трагедий.

Статья 29 предоставила освобожденным крестьянам право «отлучаться с места жительства с соблюдением правил, установленных общими законами» и данным Положением (п. 2). Крестьяне, следовательно, получали свободу передвижения.

В этой же статье шла речь об их праве «отдавать детей своих в общие учебные заведения и поступать на службу по учебной, ученой и межевой частям» на основании правил, установленных «для свободных податных сословий» (п. 4). Согласно все той же статье, получившие свободу могли «перечисляться в другие сословия и общества», «поступать в военную службу и наниматься в рекруты на общем для сельских обывателей основании» (п. 2). Но право обучения крестьянских детей ограничивалось практически сельской школой. Поступить в средние и высшие учебные заведения они по-прежнему не могли. Так же обстояло и с поступлением на службу «по учебной, ученой и межевым частям» [16, с. 53]. Статья 24 предоставила крестьянам процессуальные права, связанные с рассмотрением полицейских (административных), гражданских, уголовных дел. В статье 25 подчеркивалось, что «крестьяне не могут быть подвергаемы никакому наказанию иначе, как по судебному приговору или по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и обществен-

ных властей». Тем самым «установленное веками не ограниченное законом право суда и расправы землевладельцев... над своими крестьянами было наконец... упразднено». Однако, отмечает К.А. Софроненко, предусмотренная ст. 25 альтернатива наказанию по судебному приговору (наказание «по законному распоряжению» поставленных над крестьянами «правительственных и общественных властей») «бесспорно, умаляет значение судебного приговора о наказании крестьян» [16, с. 52].

Общее положение определяло судебный порядок «в тяжбах и спорах» между крестьянами (ст. 26). Но в этой же статье предусмотрена возможность разбирательства дела помещиком, «на земле коего они водворены, если сам помещик и обе... стороны на сие согласны», в чем можно видеть умаление значения судебного порядка [16, с. 52]. Решение помещика при таком разбирательстве было окончательным, обжалованию не подлежало.

Согласно примечанию 2 к ст. 24 Общего положения, крестьяне получали «право иска и жалобы как на посторонних лиц, так и на владельца земли, на которой они водворены». Но здесь же говорилось, что крестьяне не могут жаловаться на действия помещиков, имевшие место до обнародования Общего положения. Закон, следовательно, подчеркивал, что в этой части его нормы не имеют обратной силы. Как отмечают авторы «Российского законодательства X–XX веков», это не было случайным, ибо помещики «в преддверии реформы принимали дополнительные меры к ограблению и притеснению крестьян» [36, с. 81].

Учитывая существовавшую до отмены крепостного права законодательную проблему: являлись ли крепостные крестьяне собственниками, – особый интерес представляет вопрос об их имущественных правах по Положениям 1861 года. В статье 33 Общего положения говорилось о праве каждого крестьянина приобретать в собственность недвижимое и движимое имущество, распоряжаться им. Тем самым закон однозначно признал крестьян субъектами права собственности. Вопрос же о судьбе уже имевшегося у крестьян имущества решался по-разному. В отношении движимого имущества было сказано, что оно «принадлежит вполне крестьянам» (ст. 31). Недвижимое имущество, приобретенное до реформы на имя помещиков, становилось крестьянской собственностью окончательно «по утверждению за ними сих имуществ самими помещиками или решением мирового учреждения» (ст. 32). Следовательно, заключает К.А. Софроненко, от усмотрения помещика зависело, передать такое имущество крестьянину или оставить себе [16, с. 54]. Закон не обязывал помещика передать это имущество.

Истечение «переходного периода» не означало приобретения всеми бывшими крепостными прав «свободных сельских обывателей» в полном объеме. Об этом говорит деление их на временнообязанных и крестьян-собственников. Согласно ст. 15 Общего положения, временнообязанными именовались крестьяне, «состоящие в обязательных поземельных отношениях к помещикам». Такие крестьяне должны были отбывать в пользу помещика повинности «работою и деньгами» (ст. 4). По отношению к временнообязанным у помещика по-прежнему оставалось право «вотчинной полиции и попечительства» (ст. 18).

Крестьянами-собственниками именовались выкупившие у помещиков землю. При этом выкупить приусадебный участок – «усадебную их оседлость» – крестьяне могли в любое время (ст. 11). Выкуп же полевого надела зависел от согласия помещика (ст. 12). Между тем только после его выкупа прекращались все «обязательные поземельные отношения» между последним и крестьянами.

Необходимость выкупать землю вытекала из того, что закон признавал ее собственностью помещиков. О собственности помещиков на землю говорилось и в Манифесте, и в Общем положении (ст. 3). «Та земля, которой до реформы наследственно владели крестьяне, – пишет Л.И. Дембо, – была в 1861 году объявлена помещичьей,

и крестьяне должны были выкупать ее у помещиков по высоким, грабительским ценам, значительно превышавшим фактическую стоимость земли» [25, с. 205]. То, что государственная власть, решившись на отмену крепостного права, в максимальной степени исходила из интересов помещиков, несомненно. Но правовые акты, согласно которым вся земля была собственностью помещиков, были приняты до отмены крепостного права — еще в XVIII веке, когда, как уже отмечалось, крепостное право достигло своего апогея. Поэтому формулировка авторов «Российского законодательства X—XX веков», безусловно, точнее: «Манифест провозглашал сохранение права помещиков на всю землю в их имениях, в том числе и на крестьянскую надельную, которую крестьяне получали в пользование за определенные местными положениями повинности» [36, с. 32–33]. Крестьянам предоставлялась свобода и в области торгово-предпринимательской деятельности (ст. 22, 23 Общего положения). Теперь они могли заключать «законом дозволенные» договоры как с частными лицами, так и с казной (ст. 22). Согласно ст. 23, они получали право «открывать и содержать на законном основании фабрики и разные промышленные, торговые и ремесленные заведения» (п. 2); «записываться в цехи, производить ремесла как в селениях, так и в городах» (п. 3); «вступать в гильдии, торговые разряды и соответствующие им подряды» (п. 4). Тем самым им были предоставлены права, предусмотренные Торговым и Промышленным уставами.

Особо следует остановиться и на правах, связанных с крестьянским общественным управлением. Оно предусматривалось в качестве чисто сословного, касавшегося только крестьян, и двухуровневого. В статье 40–45 Общего положения говорилось о сельских обществах и волостях. В основу образования сельского общества было положено помещичье имение. В случае принадлежности селения нескольким владельцам создавалось несколько сельских обществ [36, с. 89]. Сельское общество управлялось сельским сходом и сельским старостой (ст. 46–48). На уровне волости распорядительная власть принадлежала волостному сходу, исполнительная — волостному старшине, судебная — волостному суду (ст. 69–110) [36, с. 90].

Введение крестьянского самоуправления — составная часть «раскрепощения» крестьян. Его анализ свидетельствует о сходстве функций органов крестьянского общественного управления с функциями управления и суда, принадлежавшими до отмены крепостного права помещикам. На практике крестьянское общественное управление «являлось органом надзора за поведением крестьян и обеспечения исправного отбывания повинностей в пользу помещика и государства» [36, с. 100].

Из статей 9 и 10 Общего положения следовало, что получившие личную свободу крестьяне зачислялись в состав податных сословий, обязанных платить подушную подать, отбывать другие государственные повинности, в том числе и рекрутскую. На самих крестьян теперь была возложена и снятая с помещиков обязанность «по общественному продовольствию и призрению» (ст. 10). Но, как отмечают авторы «Российского законодательства X—XX веков», помещики и в дореформенное время вваливали эту обязанность на самих крестьян [36, с. 79].

Великая реформа Александра II, безусловно, была непоследовательной. Эта ее сторона обстоятельно изучена представителями советской историографии. Крестьяне и после реформы оставались низшим сословием, обремененным податями, разными денежными и натуральными повинностями, сословием, в отношении которого допускались — это в XIX веке (!) — телесные наказания. Время требовало продолжения реформы, но, как известно, Александром III был взят курс на «контрреформы». При Николае II маятник опять качнулся в сторону реформ. Но они сильно запоздали. Последнее обернулось в начале XX века невосполнимыми человеческими потерями, негативно сказалось на материальной и духовной культуре.

Библиографический список

1. Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005. 568 с.
2. Грегори Л. Фриз. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000. С. 121–162.
3. Исаев И.А. История государства и права России. 4-е изд. М., 2014. 800 с.
4. Вернадский Г.В. История права. СПб., 1999. 176 с.
5. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 2002. 216 с.
6. Латкин В.Н. История русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. 645 с.
7. История государства и права России / под общ. ред. В.Е. Рубаника. М., 2012. 876 с.
8. Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. Изд. 3, доп. и перераб. М., 2006. 256 с.
9. Российское законодательство X–XX веков. Акты Земских соборов. Т. 3. М., 1985. 512 с.
10. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 1. Территория и население / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2005. 542 [2] с.
11. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. 288 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. VI. СПб.: Гос. тип., 1830. № 3770.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. VII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 4406.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XXIV. СПб.: Гос. тип., 1830. № 17.809.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XXVII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 23.157.
16. Софроненко К.А. Аграрное законодательство в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1981. 219 с.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. VIII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 5633.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. VIII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 5789.
19. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. IX. СПб.: Гос. тип., 1830. № 6551.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XV. СПб.: Гос. тип., 1830. № 10.862.
21. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XV. СПб.: Гос. тип., 1830. № 11.204.
22. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XV. СПб.: Гос. тип., 1830. № 11.426.
23. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XVIII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 13.233.
24. Курицын В.М. Концепция истории государства и права. М., 2008. 720 с.
25. Дембо Л.И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954. 223 с.
26. Свод законов Российской империи. Т/ X. Ч. I. Изд. 1857 года. СПб.: Гос. тип., 1857.
27. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XV. СПб.: Гос. тип., 1830. № 10.832.
28. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XV. СПб.: Гос. тип., 1830. № 11.166.
29. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XVII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 12.311.
30. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XXXI. СПб.: Гос. тип., 1830. № 24.707.

31. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XXXI. СПб.: Гос. тип., 1830. № 29.824.
32. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. VI. Отделение 1. СПб.: Гос. тип., 1832. № 4677.
33. Свод законов Российской империи. Т. IX. Изд. 1857 года. СПб.: Гос. тип., 1857.
34. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XVIII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 12.966.
35. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XX. Отделение I. СПб.: Гос. тип., 1846. № 19.283.
36. Российское законодательство X–XX веков. Документы крестьянской реформы. Т. 7. М., 1989. 816 с.
37. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. 421 с.
38. Российское законодательство X–XX годов. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. М., 1985. 520 с.
39. Российское законодательство X–XX веков. Законодательство первой половины XIX века. Т. 6. М., 1988. 432 с.
40. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XXVII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 20.620.
41. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XXXV. СПб.: Гос. тип., 1830. № 27.600.
42. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XXIII. Отделение 1. СПб.: Гос. тип., 1849. № 22.042.
43. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XXXIII. Отделение 2. СПб.: Гос. тип., 1860. № 33.950.
44. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XXXII. СПб.: Гос. тип., 1830. № 25.302.
45. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XVII. Отделение 1. СПб.: Гос. тип., 1843. № 15.480.
46. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. VIII. СПб.: Гос. тип., 1834. № 6163.
47. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XVI. СПб.: Гос. тип., 1842. № 14.152.
48. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XVIII. СПб.: Гос. тип., 1844. № 16.486.
49. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. 500 с.

References

1. Novitskaya T.E. Legal regulation of property relations in Russia in the second half of the XVIII century. М., 2005, 568 p. [in Russian].
2. Gregory L. Friz. Class paradigm and social history of Russia. *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiiia* [American Russian Studies: Milestones of historiography in recent years. Imperial period: Anthology]. Samara, 2000, pp. 121–162 [in Russian].
3. Isaev I.A. History of state and law of Russia. 4th edition. М., 2014, 800 p. [in Russian].
4. Vernadsky G.V. History of law. SPb., 1999, 176 p. [in Russian].
5. Man'kov A.G. Legislation and law in Russia in the second half of the XVII century. SPb., 2002, 216 p. [in Russian].
6. Latkin V.N. History of the Russian Law of the Empire period (XVIII and XIX centuries). SPb., 1909. 645 p. [in Russian].
7. History of state and law of Russia. V.E. Rubanik (Ed.). М., 2012, 876 p. [in Russian].
8. Rogov V.A. History of state and law of Russia from the IX – beginning of the XX centuries. 3rd edition, enlarged and revised. М., 2006, 256 p. [in Russian].
9. Russian legislation of the X – XX centuries. Acts of the zemsky sobor. Vol. 3. М., 1985, 512 p. [in Russian].

10. Sergeevich V.I. Antiquities of the Russian law. Vol. 1. Land and people [ed. and foreword by V.A. Tomsinov]. M., 2005, 542 [2] p. [in Russian].
11. Development of the Russian law in the XV – first half of the XVII century. M., 1986, 288 p. [in Russian].
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. VI. SPb., Gos. tip., 1830, no. 3770 [in Russian].
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. VII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 4406 [in Russian].
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXIV. SPb., Gos. tip., 1830, no. 17.809 [in Russian].
15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXVII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 23.157 [in Russian].
16. Sofronenko K.A. Agrarian law in Russia (second half of the XIX – beginning of the XX century). M., 1981, 219 p. [in Russian].
17. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. VIII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 5633 [in Russian].
18. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. VIII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 5789 [in Russian].
19. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. IX. SPb., Gos. tip., 1830, no. 6551 [in Russian].
20. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XV. SPb., Gos. tip., 1830, no. 10.862 [in Russian].
21. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XV. SPb., Gos. tip., 1830, no. 11.204 [in Russian].
22. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XV. SPb., Gos. tip., 1830, no. 11.426 [in Russian].
23. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XVIII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 13.233 [in Russian].
24. Kuritsyn V.M. The concept of the history of state and law: scientific publication. M., 2008, 720 p. [in Russian].
25. Dembo L.I. Land relations in antagonistic class society. L., 1954, 223 p. [in Russian].
26. Code of Laws of the Russian Empire. Volume X. Part I. The publication of 1857. SPb., Gos. tip., 1857 [in Russian].
27. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XV. SPb., Gos. tip., 1830, no. 10.832 [in Russian].
28. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XV. SPb., Gos. tip., 1830, no. 11.166 [in Russian].
29. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XVII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 12.311 [in Russian].
30. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXXI. SPb., Gos. tip., 1830, no. 24.707 [in Russian].
31. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXXI. SPb., Gos. tip., 1830, no. 29.824 [in Russian].
32. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. VI. Branch 1. SPb., Gos. tip., 1832, no. 4677 [in Russian].
33. Code of Laws of the Russian Empire. Volume IX. The publication of 1857. SPb., Gos. tip., 1857 [in Russian].
34. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XVIII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 12.966 [in Russian].
35. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XX. Branch I. SPb., Gos. tip., 1846, no. 19.283 [in Russian].
36. Russian legislation of the X – XX centuries. Documents of peasant reform. Vol. 7. M., 1989, 816 p. [in Russian].
37. Pipes R. Russia under the old regime. M., 1993, 421 p. [in Russian].
38. Russian legislation of the X–XX centuries. Legislation in the period of formation and strengthening of Russian centralized state. Volume 2. M., 1985, 520 p. [in Russian].

39. Russian legislation of the X – XX centuries. Legislation of the first half of the XIX century. Volume 6. M., 1988, 432 p. [in Russian].
40. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXVII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 20.620 [in Russian].
41. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXXV. SPb., Gos. tip., 1830, no. 27.600 [in Russian].
42. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXIII. Branch 1. SPb., Gos. tip., 1849, no. 22.042 [in Russian].
43. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXXIII. Branch 2. SPb., Gos. tip., 1860, no. 33.950 [in Russian].
44. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXXII. SPb., Gos. tip., 1830, no. 25.302 [in Russian].
45. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XVII. Branch 1. SPb., Gos. tip., 1843, no. 15.480 [in Russian].
46. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. VIII. SPb., Gos. tip., 1834, no. 6163 [in Russian].
47. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XVI. SPb., Gos. tip., 1842, no. 14.152 [in Russian].
48. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XVIII. SPb., Gos. tip., 1844, no. 16.486 [in Russian].
49. Peasant reform in Russia in 1861. Collection of legislation acts. M., 1954, 500 p. [in Russian].

*E.N. Kuznetsova**

LEGAL STATUS OF PEASANTS AND THE GREAT REFORM OF 1861

The article is devoted to the legal status of peasants before and after the abolition of serfdom. The Legislation related to the process of enslavement is put under analysis. The concept of serfdom is defined in the article. The view that the legislation on legal serfdom of peasants was contradictory is being argued. Recognizing them a number of rights, the law treated them at the same time as an object of property rights. The rights and responsibilities of landowners in relation to the serfs according to the Legal Code of the Russian Empire are characterized in the article. Personal, property and procedural rights, the right to self-governance, the duties of peasants according to the Status dated February 19, 1861 have been also analyzed. The legal status of temporary obligated peasants and peasants proprietors has been compared.

Key words: class system, serfdom, legal status of serfs, abolition of serfdom, temporarily obligated peasants and peasants proprietors, personal, property, procedural rights of peasants, duties of peasants, peasant self-government.

* *Kuznetsova Elena Nicolaevna* (Kuznetsova_e_n@bk.ru), Department of Theory and History of State and Law; International law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.